не мог, следовательно, фигурировать в списках лиц, находившихся на государственной службе.

Как бы то ни было, все наши попытки хоть как-то прояснить дальнейшую судьбу А. Назарьева и установить его отношение к поручику Семеновского полка Назарьеву оказались безрезультатными, т. е. вопрос об авторстве романа остается открытым. Был ли автором «Несчастного Никанора» сам А. Назарьев или же кто-то из его дальних родственников либо однофамильцев, хорошо знавший судьбу бывшего кондуктора? Почему вторая часть, написанная вместе с первой, была напечатана только через 12 лет? Кто является автором третьей части,[21] достаточно искусственно продолжающей роман и противоречивой по угадываемому в ней реальному биографическому содержанию (например, Никанор, получивший чин поручика, в конце книги говорит, что служил в армии капралом; не имевший, как и реальный Назарьев, родных, он в третьей книге разоряется благодаря проискам двоюродных сестер и т. д.)? Ответить на эти вопросы сегодня — по прошествии двух столетий — достаточно сложно. И все же, на наш взгляд, найденный материал представляет интерес не только потому, что он подтверждает высказывавшуюся ранее на уровне предположения мысль о биографической основе романа, но и потому, что позволяет обратиться к решению других проблем, уже собственно теоретического и историко-литературного характера.

* * *

Несомненный интерес представляет проблема взаимодействия в романе «Несчастный Никанор» документального и собственно романического пластов.

Известно, что для русской литературы середины XVIII в. характерны интенсивное взаимодействие и типологическая близость документальных и беллетристических жанров. Уже в 60-е гг. роман включал автобиографический материал (Ф. Эмин) или же имитировал мемуарное повествование (М. Чулков); параллельно осуществлялась мемуаризация документальных повествований. Как указывает М. Я. Билинкис, это происходило потому, что «центром» подобных прозаических сочинений, главным предметом обрисовки и своего рода «точкой отсчета» становилось авторское «я»; кроме того, утверждался эстетический статус новой реальности — эмпирической — и именно с целью ее художественной легализации «имитация документальности становилась сознательно используемым писателем приемом».[22]

---

[21] Отметим, что, высказывая сомнение в едином авторстве трех частей книги, мы в дальнейшем будем анализировать роман как единое произведение, так как, с одной стороны, нашу версию доказать пока невозможно, с другой — роман сегодня существует как целое, а значит, возможен его последовательный анализ.

[22] *Билинкис М. Я.* Взаимоотношения документальных жанров и беллетристики в русской литературе 60-х годов XVIII века: Автореф. дис. . . . канд. филол. наук. Л., 1979. С. 26.